

Ирина ЦЫРЕМПИЛОВА

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1920-х–1930-х гг.: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

В статье рассматривается опыт создания и деятельности самостоятельной Бурят-Монгольской епархии как организационной региональной структуры обновленческого движения 1920-х–1930-х гг.

The article deals with the experience of establishment and operation of independent Buryat-Mongolian eparchy as an organized regional system of renewal movement of 1920s–1930s.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, епархия, обновленческий раскол, духовенство, церковное управление; Russian Orthodox Church, eparchy, split of renewal, clergy, church administration.

Реалии современной России характеризуются ростом влияния религии и религиозных институтов не только на духовно-нравственное и культурное развитие страны, но и на политические процессы, межнациональные отношения и общественное развитие государства в целом. Поэтому перспективы взаимодействия церкви и государства требуют изучения исторического опыта взаимоотношений этих социально-политических институтов. Ретроспективный анализ обновленчества и его региональной специфики поможет объективно оценить процессы, происходящие в религиозной жизни современной России, и спрогнозировать их последствия.

Несмотря на наличие внутренних противоречий в Русской православной церкви, обновленческий раскол в 1922 г. не смог бы произойти без поддержки партийно-государственных и силовых структур. Советская власть, поняв невозможность быстрой ликвидации религии и ее институтов, взяла курс на внутреннее разложение церкви. Обновленческая церковь задумывалась как единственная законная церковь в СССР и противопоставлялась патриаршей.

29 мая 1922 г. на учредительном собрании «Живой церкви» было создано Высшее церковное управление (ВЦУ) и принято решение о подготовке собора «для законодательного преобразования церковной жизни». Также было решено «выделить во всех епархиях из общей массы православного церковного народа своих единомышленников-священнослужителей, организовать их и передать им местное церковное управление»¹. «Живоцерковцы» экстренно обратились с посланиями во все епархии, а также через советскую печать — к клиру и мирянам с призывом немедленно порвать с «тихоновщиной» и перейти в «Живую церковь». Решениями ВЦУ духовенству строго предписывалось создать «живоцерковные» приходы, благочиния, епархии и срочно провести в их руководящие органы «преданных революционному делу» и советской власти клириков. Так, на территории Сибири уже 2 июня 1922 г. было образовано самостоятельное Сибирское церковное управление с центром в г. Томске под председательством Петра, епископа Томского и всея Сибири.

В июле 1922 г. из 73 епархиальных архиереев 37 признали новое ВЦУ «единственной канонической властью». Принятие ВЦУ целым

ЦЫРЕМПИЛОВА

Ирина

Семеновна —

д.и.н., профессор

Восточно-Сибирской

государственной

академии культуры

и искусства

irina161073@mail.ru

¹ Каплин П. В. Обновленческий раскол 1920-х гг. (На материалах уральских епархий) // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. — Екатеринбург, 2006, вып. 6, с. 391.

рядом архиереев было обусловлено тем, что они не видели ему альтернативы, а жизнь без церковного административного центра казалась невозможной. Кроме того, они считали необходимым сохранить в тяжелое время гонений церковное единство. Часть духовенства действительно желала некоторых реформ по переустройству церковной жизни. Немало священников подчинились ВЦУ, желая избежать репрессий со стороны органов ГПУ. К августу власть в большинстве епархий перешла к представителям «Живой церкви»¹.

20 сентября 1922 г. было официально открыто Иркутское губернское церковное управление, которое приняло дела епархии от бывшего Духовного комитета, а 14 октября прибыл первый обновленческий архиерей – архиепископ Иркутский и Верхотленский Николай.

Следующим шагом по развитию обновленчества стал созыв Второго Поместного собора, который прошел в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г. К основным постановлениям собора относились: 1) отмена анафемы советской власти; 2) признание патриарха Тихона «лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирянское положение»; 3) одобрение деятельности обновленческих организаций; 4) призыв к поддержке советской власти, которая «одна во всем мире государственными методами имеет осуществить идеалы Царства Божия»; 5) отмена патриаршества; 6) одобрение начала отделения церкви от государства. Кроме того, собор одобрил введение женатого епископата и дозволение второго брака клирикам, были расширены права контроля приходского духовенства в отношении епархиальных дел; монастыри допускались лишь как трудовые коммуны².

На территории Бурятии активный переход в обновленчество начался после образования 15 июня 1923 г. Забайкальского губернского церковного управления (ЗабГЦУ) под председательством архиепископа Михаила Орлова³. Архиепископ Михаил созвал в Чите руководителей благочинных округов и раздал им свои управ-

ления с запретом поминать на богослужениях патриарха Тихона как лишенного церковного сана. Исполняя указания, благочинный Джидинского благочиния Дмитрий Малков разослал по приходам письменные распоряжения и требования о денежном содержании. Многие священнослужители со своими приходами подчинились решению церковного управления, перейдя тем самым в обновленчество.

К крупным центрам обновленчества относились Верхнеудинский уезд, Баргузинский и Троицкосавский аймаки. В г. Верхнеудинске обновленчество было представлено Одигитриевским собором, Спасской, Вознесенской церквями. В г. Троицкосавске обновленцам принадлежали Свято-Троицкий собор во главе с епископом Георгием Георгиевским (с декабря 1922 г. был назначен уполномоченным Иркутского епархиального церковного совета по делу обновления), Покровская церковь, Богородице-Тихвинская церковь в с. Усть-Кяхта и др. В Баргузинском аймаке было образовано уездное церковное управление во главе с протоиереем Георгием Кузнецовым, в подчинении которого находилось 14 приходов (Баргузинский Спасо-Преображенский собор, Телятниковская, Читканская Христорождественская, Сувинская Николаевская, Бодонская, Башаровская, Курумканская, Улюнская и др. церкви)⁴.

Следующий съезд «Живой церкви», проведенный уже в августе 1923 г., принял еще более радикальные решения. «Живая церковь» стала называться Православной российской церковью, а Высший церковный совет был переименован в Священный синод, в состав которого вошли 12 епископов, 20 пресвитеров и несколько мирян. Священный синод ПРЦ разделил свои приходы на церковные управления в соответствии с гражданским районированием. Это решение стало основной причиной создания самостоятельной Бурят-Монгольской епархии⁵.

Первоначально складывалась непростая ситуация в вопросе управления. Указом Священного синода от 5 апреля 1924 г. епархиальному церковному совету Буреспублики, председателем которого являлся архиепископ Верхнеудинский

¹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. – СПб., 1995, с. 75–76.

² Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995, с. 71.

³ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. Р-422, оп. 1, д. 106, л. 31.

⁴ ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 114, л. 49, 68, 139, 173, 174.

⁵ Там же, л. 136–140, 168(об).

Гавриил Асташевский, было предоставлено право непосредственного сношения со Священным синодом с подчинением Сибирскому областному церковному управлению (СОЦУ). Но указом Священного синода от 13 сентября 1924 г. епархия Бурят-Монгольской республики была включена в состав Дальневосточного областного церковного управления (ДВОЦУ) на правах викариатства Забайкальской епархии. ДВОЦУ в заседании от 18 октября постановило преосвященного архиепископа Гавриила оставить в качестве викарного епископа с сохранением звания архиепископа Верхнеудинского. Эти нелогичные перемещения в вопросах подчинения от Сибирского к Дальневосточному церковному управлению можно объяснить двояко. С одной стороны, изменениями гражданского районирования (создание Дальневосточной области в 1922 г., образование самостоятельной БМАССР в 1923 г. и др.), с другой — тем, что православные приходы, расположенные на территории созданной БМАССР, до революции входили в состав и Иркутской, и Забайкальской епархий. Это стало поводом для последующих жалоб и протестов архиепископа Гавриила в Синод, СОЦУ и ДВОЦУ. Окончательным решением после продолжительной переписки по этому вопросу стал указ Священного синода от 6 апреля 1925 г. о восстановлении Бурят-Монгольской епархии в правах самостоятельной епархиальной единицы.

Несмотря на институциональное оформление Бурят-Монгольской епархии, к середине 1920-х гг. становится очевидным, что обновленчество имело лишь ограниченный успех и не способно привлечь к себе верующих. Одной из причин «неудачного положения дел» стала непосредственная поддержка обновленцев органами власти. Так, архиепископ Асташевский заявлял, что «ненависть ко мне лично со стороны тихоновщины усугубляется тем, что по внушению своих пастырей мнят меня ставленником Советского правительства, ставленником “красных”, “коммунистов” и что будто бы по моему “приказанию” в 1923 г. и после арестовывались тихоновские священники». Этим он объяснял, что «в начале обновленческого движения в городе и долгое потом время до того злора кипела в народе, что сбросить с моста в реку меня

хотели, всадить нож в бок, ... поленьями били окна квартиры»¹.

Поддержка обновленцев органами власти проявлялась и в вопросе о передаче церковей и их имущества. Разногласия между обновленцами и тихоновцами в отношении верхнеудинского Троицкого храма стали причиной составления письма в ЦИК и СНК СССР от группы староцерковцев с просьбой «прекратить произвол обновленцев и содействие им местных властей»². Верующие с. Заудинское 5 апреля 1925 г. подали жалобу в ЦИК БМАССР на «незаконное отобрание» у них молитвенного здания и передачу его обновленцам. ЦИК, рассмотрев юридическую сторону вопроса (какая группа раньше зарегистрировалась и т.д.), предложил НКВД вновь пересмотреть этот вопрос, указав, что «Михаило-Архангельский храм может быть передан староцерковцам без особого ущерба для удовлетворения религиозных нужд живогерковцев»³. В 1927 г. постановлением Президиума БМАССР храм был передан в пользование общине верующих «староцерковцев».

Состояние обновленческой епархии на территории Бурятии, ее финансовое положение оценивалось архиепископом Асташевским «как совершенно безвыходное». В своем рапорте за 1925 г. он указывал: «От епархии поддержки нет, за скудостью собственных средств с одной стороны и вследствие выжидательного состояния общин с другой». Если не будет поддержки со стороны епархиальных управлений, «обновленчество по всей епархии неминуемо должно с полным посрамлением самоликвидироваться, ибо нельзя работать голодом». В 1925 г. было проведено только одно епархиальное собрание без предварительных благочиннических собраний. Частыми явлениями стали «религиозная спячка, летаргия, паралич, расслабленность»⁴.

Подобная же картина наблюдалась в обновленческих приходах Троицко-савского викариатства. Так, епископ Троицкий и Селенгинский Георгий Георгиевский («обновленчеству предан всей душой») отмечал бедность и малочисленность подчиненных ему обновлен-

¹ ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 114, л. 51, 53.

² ГАРБ, ф. 365, оп. 1, д. 133, л. 2–5.

³ ГАРБ, ф. Р-248, оп. 1, д. 126, л. 46.

⁴ ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 114, л. 49, 170.

ческих общин, которые в своем распоряжении имеют только средства от «свечной» выручки.

Некоторая активизация обновленческой церкви на территории БМАССР была связана с деятельностью нового председателя епархиального управления — архиепископа Сретенского и Нерчинского Василия Макушева, назначенного 5 октября 1928 г. правящим Верхнеудинской епархией. С 3 по 6 октября 1929 г. был проведен съезд обновленцев духовенства и мирян. Съезд показал, что Бурят-Монгольская епархия «стала на более твердую почву», вновь избранное епархиальное управление получило возможность «большого сближения с мирянами», была окончательно налажена связь с благочинными, определены точно границы приходов, «поднят авторитет священника, его спайка с паствою»¹. Однако, несмотря на заявленные успехи, верующие в конце 1920-х — начале 1930-х гг. становились все более безразличными к проблеме раскола, к церкви и к вере в целом. Росло и недовольство населения политикой государства по религиозному вопросу.

Обновленческая церковь в начале 1930-х гг. продолжала сокращаться, хотя церковное руководство до последнего пыталось сохранять свои структурные

единицы. В 1931 г. в состав Восточно-Сибирской митрополии входили Иркутская, Красноярская, Каннская, Сретенская, Читинская и Верхнеудинская епархии. В феврале 1934 г. Читинская и Сретенская епархии были закрыты, а их общины присоединены к Верхнеудинской епархии во главе с архиепископом Александром Авдентовым. В октябре 1934 г. по распоряжению Священного синода была упразднена Верхнеудинская/Улан-Удэнская епархия, ее общины были присоединены к Иркутской епархии. В 1935 г. Иркутское епархиальное церковное управление возглавил Константин Знаменский, под юрисдикцией которого находилась вся территория Восточно-Сибирского края².

Таким образом, создание и деятельность самостоятельной Бурят-Монгольской обновленческой епархии, просуществовавшей с 1924 по 1934 гг., были обусловлены в большей степени административно-территориальными изменениями региона, чем ее самодостаточностью. При этом само обновленческое движение было конформистски настроено по отношению к власти и не получило широкой поддержки у верующих, но в деле «отмирания религии» сыграло свою определенную роль.

¹ Там же, д. 209, л. 1.

² ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 260, л. 8; ф. Р-600, оп. 1, д. 685, л. 16–23.